

Ван Ин, словно дитя, впервые увидевшее большой город, не отрывался от окна кареты, с живым любопытством разглядывая шумные улицы. Чэнь Цинъянь же, заботливо прикрывая ладонью его голову, внимательно следил, чтобы тот не ударился о раму на очередном ухабе.

Дядя Чэнь, которому прежде уже доводилось бывать в доме третьей тетушки вместе со старым господином, неплохо ориентировался в этих краях. Он уверенно направил повозку в восточную часть города, напрямиком к переулку Цюэ'эр.

— Расскажи мне побольше о семье тетушки, — попросил Ван Ин, — чтобы я знал, как к кому обращаться.

— Тетушкин муж носит фамилию Линь, — начал объяснять Чэнь Цинъянь. — Он тоже из ученых, имеет степень сюцяя. Раньше он содержал собственную частную школу, но потом оставил это дело и теперь служит счетоводом в ломбарде. У них двое сыновей, оба гэ'эры. Старший, Линь Цю, на год младше меня, а младший, Линь Суй — ровесник нашей Цинъюнь.

Юноша старательно запоминал имена. Спустя примерно две четверти часа пути экипаж наконец остановился у ворот дома семьи Линь. Однако, не успели они сойти на землю, как из-за забора донеслись яростные крики.

— Неужто ты и впрямь вознамерился отдать нашего Цю'эра в семью Фан?! — негодовал звонкий женский голос. — Это же всё равно что собственноручно толкнуть ребенка в огненную яму! Мы что, совсем по миру пошли? Голодаем? Или в доме корки хлеба не осталось, раз ты решил торговать собственной плотью и кровью?!

— Выбирай выражения, женщина! — огрызнулся мужской голос. — Чем тебе не угодил второй сын семьи Фан? И лицом вышел, и род почтенный. Для нашего сына это была бы завидная партия!

— Тьфу на тебя! — не унималась женщина. — Пропойца, завсегдатай борделей и злочных мест — это, по-твоему, «хорошая партия»?! Как у тебя только язык повернулся такое сказать? И ты еще называешь себя ученым мужем! Видать, вся твоя ученость псу под хвост пошла!

— Чэнь Жун, не наглей! Я и так проявляю к тебе излишнее терпение!

Ван Ин, понимая, что медлить более нельзя, спрыгнул с подножки и поспешно застучал в ворота.

— Тук-тук-тук! Тетушка, вы дома?

Внутренний двор на мгновение затих. Вскоре ворота со скрипом отворились, и на пороге

показалась Чэнь Жун. Увидев гостя, она на миг замерла, не в силах узнать его.

— Вы... — неуверенно начала она.

— Тетушка, это я, — шагнул вперед Чэнь Цинъянь.

Глаза хозяйки радостно вспыхнули:

— Цинъянь? Ин-эр? Ох, какими судьбами!

— Скоро Новый год, вот мы и решили навестить вас с дядей, — улыбнулся племянник.

— Ох, путь-то неблизкий, а вы решились на такую дорогу... Ну же, проходите скорее!

Дом семьи Линь оказался небольшим: три основные комнаты и две пристройки по бокам. Народу в семье было немного, так что места всем хватало. Завидев гостей, Линь Чанбинь явно смутился. Буркнув слова приветствия, он поспешил скрыться за воротами. Тетушка лишь пренебрежительно фыркнула ему вслед и повела молодежь в дом.

Внутри было натоплено, пахло дровами и домашним уютом.

— Цю'эр, Суй'эр, выходите скорее! Посмотрите, кто к нам приехал!

Из западной комнаты вышли двое юношей, удивительно похожих друг на друга. У старшего, Линь Цю, глаза были покрасневшими, будто он только что плакал. Младший же, Линь Суй, взирал на прибывших с живым любопытством.

Хозяйка подвела их к гостям:

— Это ваш двоюродный брат Чэнь Цинъянь со своим супругом. Поздоровайтесь.

— Брат, невестка, — негромко произнесли они.

— Доброго здоровья, — хором отозвались Ван Ин и Цинъянь.

В последний раз они виделись год назад, когда молодой ученый приезжал на уездный экзамен и останавливался у них на несколько дней. С тех пор всё разительным образом изменилось. Чэнь Жун внимательно осмотрела племянника:

— Когда я уезжала из вашего поместья, ты еще едва на ногах держался. А теперь, гляжу,

совсем оправился! И в лице переменился, возмужал!

Тот лишь подтверждающе кивнул.

— Не представляешь, что я переживала, когда пошли слухи, будто тебя готовят к погребению... — голос женщины дрогнул.

— Тетушка, не стоит о грустном, — мягко прервал её Ван Ин. — Главное, что сейчас всё наладилось.

— И то верно. Что это я... Вы, небось, с дороги продрогли и проголодались? Цю'эр, сбегай-ка на рынок, купи мяса да вина кувшин. Я сегодня для дорогих гостей сама бянши налеплю.

— Не утруждайте себя так, — попытался возразить Чэнь Цинъянь.

— Никаких возражений! Вы нечастые гости в нашем доме. Слушайте, что вам говорят: здесь вы в кругу семьи, так что чувствуйте себя как дома.

Линь Цю, взяв деньги, отправился за покупками, а его брат остался во дворе, не сводя глаз с запряженной мулом повозки. Ван Ин подозвал дядю Чэня и Ши Дуньцзы, чтобы те разгрузили подарки. Шесть плетеных коробов, полных до краев, заняли почетное место.

— Зачем же столько всего? — всплеснула руками хозяйка. — Опять напрасные траты.

— Пустяки, — улыбнулся юноша. — Надеюсь, подарки придутся вам по вкусу.

Тетушка ласково рассмеялась:

— Ох и вежливый ты, дитя. Мы ведь свои люди, я бы и с пустыми руками вам рада была.

Когда короба перенесли в пристройку и Чэнь Жун заметила свежую зелень, она не на шутку удивилась:

— Откуда такое богатство? В такие-то холода — и свежие овощи?

— В нашем поместье есть теплый источник, — пояснил Ван Ин. — Воздух там всегда прогрет, вот мы и решили засеять немного овощей к зиме.

— Ну и чудесно! Сейчас же что-нибудь из этого и приготовлю, чтобы лишнего не покупать.

Устроив возчиков на отдых в пристройке, тетушка проводила остальных в дом и велела Линь Сую согреть воды для чая.

— Как там матушка твоя? — поинтересовалась она у племянника.

— Доброго ей здоровья, — ответил Цинъянь. — Всё вспоминает о вас, сокрушается, что давно не виделись.

— Эх, и я по ней тоскую... Да только дел в семье невпроворот, путь неблизкий, не наездишься особо.

Ван Ин вспомнил давешний спор, но сам расспрашивать не решился. Однако его супруг не стал ходить вокруг да около:

— Мы слышали у ворот ваш спор с дядей Линем... Случилось что-то серьезное?

Лицо Чэнь Жун омрачилось.

— Суй'эр, — обратилась она к младшему, — сходи-ка в западную комнату, поиграй там. Мне нужно со старшими поговорить.

Мальчик послушно вышел. Когда дверь за ним закрылась, тетушка тяжело вздохнула:

— Раз уж вы всё слышали, таиться не стану. Цю'эру после Нового года минет семнадцать лет — самый возраст для замужества. Пока еще была жива его бабка, мы сговорились с семьей Чжан из нашего уезда: хотели поженить детей, как только подрастут. Но судьба распорядилась иначе: тот паренек в прошлом году занедужил и скончался. Так наш Цю'эр и остался ни с чем.

Думала я подыскать ему другую партию, да только муж мой на днях заявляет: мол, нашел для сына завидный дом. На все мои расспросы — ни слова, только твердит, что Цю'эр там будет в золоте купаться. Я нутром почуяла неладное. В браке-то важно, чтобы семьи ровней были. А мы что? Я да дети за ткацким станком, он — счетоводом в ломбарде. Живем скромно, в верха не метим.

В конце концов я его дождала. И что вы думаете? Решил он отдать Цю'эра в семью Фан, что в самом городе живет. И не просто замуж, а второй женой, занять место покойной супруги их второго сына!

В этот момент Линь Цю вернулся с рынка. Услышав слова матери, он бросил свертки на стол и, давясь слезами, убежал в свою комнату. Тетушка тоже не выдержала, достала платок и принялась вытирать глаза.

— Да разве же это приличная семья? — всхлипнула она. — Тот Фан Шэнь — последний человек: пьет, играет, по притонам шляется. Была у него уже одна жена, говорили — от болезни померла, а люди шепчутся, что забил он её до смерти. Потому-то ему теперь порядочного гэ'эра не отдают. Видать, закладывал он что-то в ломбарде, там с моим и сошелся. Уж не знаю, какими речами он мужа моего опутал, что тот решил сына в этот омут бросить.

Лицо Чэнь Цинъяня потемнело от гнева:

— Дядя совсем рассудок потерял! Брак — дело всей жизни, как можно так бездумно соглашаться? Если человек дурной, потом локти кусать будет поздно!

— Вот и я о том же! Третий день с ним ругаюсь, а он уперся как бык: «Семья Фан, и точка!» Твердит, что после праздников всё официально оформит.

Ван Ин сочувственно вздохнул. В этом мире гэ'эры и женщины были лишены права голоса в вопросах брака — всё решали родители. Хорошо еще, что тетушка оказалась человеком понимающим, иначе бедному кузену пришлось бы несладко.

Чэнь Жун вытерла слезы и попыталась улыбнуться:

— Полно об этом, не хочу вам праздник портить. Пойду готовить, а вы отдохните с дороги.

Гости хотели было помочь, но она наотрез отказалась:

— И не думайте! Вы издалека приехали, не пристало вам у плиты стоять. Отдыхайте.

Проводив её взглядом, супруги обменялись полными бессилия вздохами.

— Брат, — тихо спросил Цинъянь, — что же нам делать?

— Нужно поговорить с дядей Линем, — отозвался Ван Ин. — Узнать, что его гложет. Может, у него нужда какая, так мы поможем, чем сможем.

— Твоя правда.

Ближе к сумеркам вернулся Линь Чанбинь. В руках он бережно нес сверток с копченой курицей.

— Еще не ужинали? Цю'эр, разделай птицу, подадим к столу для дорогих гостей.

Юноша, не поднимая глаз, забрал сверток и ушел на кухню. Глава семейства вымыл руки, снял

теплую шапку и уселся за стол. Было ему чуть за сорок — худощавый, с острыми скулами и ввалившимися щеками, что придавало его лицу выражение некоторой желчности. Впрочем, в эти времена люди старели быстро: к сорока годам седина уже всю серебрила виски.

— Это, стало быть, супруг Цинъяня? — обратился он к Ван Ину. — Вы уж простите, что на свадьбе вашей не были — вестей-то не получали, не знали даже, что дело слажено. И четвертый брат ничего не сообщил.

— Не берите в голову, дядя, — вежливо ответил гость. — В ту пору Цинъянь был совсем слаб, всё делалось в спешке, вот и не успели вовремя оповестить родню.

— Что ж, дело прошлое. Садитесь, садитесь к столу.

Вскоре Чэнь Жун и Линь Цю накрыли на стол. Помимо горячих бянъши с мясом, подали жареные огурцы с яйцом, сельдерей с копченой грудинкой и ту самую курицу. Для приема гостей стол был более чем достойным.

Дядя отправил в рот кусочек огурца и удивленно вскинул брови:

— В городской лавке прикупили?

— Нет, — ответила хозяйка. — Цинъянь с собой из поместья привез.

— Неужто и у вас зимой зелень водится?

— У нас в усадьбе теплый источник есть, — пояснил Ван Ин. — Рядом с ним и посадили немного.

— Ох и диво! — покачал головой Линь Чанбинь. — В городе сейчас тоже овощи продавать начали, да только цены там безумные. Знаете, сколько за один огурец просят? Тридцать пять вэней! Кто же такое купит?

Ван Ин мысленно усмехнулся: видать, Цао Кунь уже всю торгует его товаром. Выходит, двадцать вэней за цзинь, что он просил — цена вполне божеская.

— У вас там в поместье много овощей? — с надеждой в голосе спросил мужчина. — Могли бы в город на продажу возить.

— Да нет, — покачал головой юноша. — Совсем немного, только для своих нужд и хватает.

Собеседник заметно сник. Отпив вина, он разговорился:

— Ну а ты, Цинъянь? Как успехи в учебе? По весне не думаешь снова на уездный экзамен податься?

— Ученость моя скудна, — спокойно ответил тот. — Вряд ли чего добьюсь на этом поприще. Решил дома частную школу открыть, чтобы хоть какой-то доход в семью приносить.

— И правильно! — одобрительно кивнул Линь Чанбинь. — Нечего время на пустое тратить. Я вот раз десять пробовал — и всё без толку. На провинциальных экзаменах полно богатых и знатных недорослей, у них учителя такие, что нам и не снились. Куда нам с ними тягаться?

— А четвертый брат как же? — язвительно вставила тетушка. — Выходит, он смог, а ты — «непутевый»?

— Четвертому просто удача улыбнулась! Не всем же так везет. Слушай меня, племянник: деньги нужно копить. В наше время только у того спина прямая, у кого кошелек полон.

Чэнь Цинъянь лишь вежливо поддакивал.

— Твой отец в свое время тоже меня не слушал, — продолжал хозяин дома. — Говорил я ему: перебирайся в город, открывай лавки. Сейчас бы монету мешками считал. Десять лет назад на улице Чанпин лавка всего семьдесят лянов стоила. Представляешь, как цена подскочила?

Молодой ученый лишь улыбнулся в ответ. Семьдесят лянов — сумма немалая, а ведь открытие своего дела требует еще больших вложений. Да и отец его в торговле ничего не смыслил — как решиться на такое в чужом городе?

— Опять же, когда старик наследство делил, тетушке твоей совсем крохи выделил. Видать, дочерей за родню и не считал вовсе...

Чэнь Жун под столом чувствительно наступила мужу на ногу:

— К чему ты старое ворошишь? Ешь молча, раз угощают!

Линь Чанбинь хотел было вспылить, но, вспомнив о гостях, лишь хмыкнул и осушил чарку до дна. Ван Ин покосился на супруга: лицо того заметно помрачнело. Чтобы разрядить обстановку, он слегка коснулся его ноги своей.

— Я слышал, — начал Чэнь Цинъянь, решив перейти к делу, — что двоюродный брат скоро обручится?

Дядя Линь кивнул и бросил недовольный взгляд на жену:

— Семья почтенная, партия завидная. Да только тетушка твоя наслушалась всяких бредней и теперь в штыки всё воспринимает. А я ведь отец, неужто я сыну зла желаю?

У семьи Фан шесть лавок в городе, достаток полный. А что до второго сына их, Фан Шэня, так люди всегда языками чесать рады. Я с ним не раз общался — человек рассудительный, дело знает. Просто вдовцу-то пару найти непросто, вот нашему Цю'эру шанс и выпал.

Линь Цю, сидевший рядом, резко отложил палочки:

— Я сыт, — бросил он и поспешно ушел в свою комнату.

Младший брат тоже порывался уйти, но жадность пересилила — он быстро доел мясо и, прихватив чашку с рисом, скрылся вслед за ним. Когда дети ушли, Чэнь Жун наконец дала волю гневу:

— Видать, опоили они тебя чем-то! Я на днях нарочно разузнала: он из борделей не вылезает, дома не ночует. И такого человека ты мне в зятя прочишь?!

— Да все мужчины такие по молодости! — отмахнулся муж. — Женится — остепенится.

— Твоего бы наставника послушать! Будь ты таким до свадьбы, разве бы отец мой меня за тебя отдал? А теперь ты на собственного сына махнул рукой. Решил в огненную яму его бросить — и какая тебе с того радость будет?

— Попридержи язык! — вскинулся Линь Чанбинь. — С чего ты взяла, что я его гублю?!

Видя, что дело идет к драке, Ван Ин поспешно увел тетушку в другую комнату.

<http://bllate.org/book/15812/1433868>